

7. Модели общественного переустройства России. XX век: Сб. науч. тр. // Под ред. В. В. Шелохаева. М., 2004.
8. Согрин В. В. Либерализм в России: перипетии и перспективы. М., 1997.
9. Хайек Ф. А. Дорога к рабству // Вопросы философии. 1990. № 11.
10. Хайек Ф. А. Познание, конкуренция и свобода. СПб., 1999.

ЧРЕЗВЫЧАЙНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ И ПАРАДОКС СУВЕРЕННОСТИ

Д. В. Подоксёнов

*магистрант Департамента философии Института
социальных и политических наук Уральского федерального
университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина,
Екатеринбург*

Традиционно чрезвычайное положение определяют как ситуацию временного ограничения или приостановки действия правовых норм на некоторой территории. В широком смысле, ввести чрезвычайное положение – значит упразднить существующий политико-юридический порядок. «Упразднение» в данном контексте нельзя приравнять к полному уничтожению: связь между нормальным и чрезвычайным состоянием проблематичнее, чем кажется на первый взгляд. Более того, исследование этой связи вводит в поле зрения философии некий изначальный парадокс, определяющий соотношение права и жизни.

Своего рода пролегоменами к изучению феномена чрезвычайного положения можно считать работы К. Шмитта, посвященные диктатуре и понятию суверенитета [1; 4]. Разграничивая комиссарскую и суверенную диктатуру, Шмитт, по сути, говорит о двух принципиально разных стратегиях поведения власти в ситуации аномии. Диктатор-комиссар стремится защитить действующую конституцию, и именно с этой целью он ее и приостанавливает – причем чрезвычайными полномочиями его наделяет сама конституция. Диктатор-суверен не пытается сохранить существующий порядок вещей: это бессмысленно, поскольку никакого порядка уже нет. Поэтому суверенная диктатура «не приостанавливает действующую конституцию в силу основанного на ней и, стало быть, конституционного права, а стремится достичь состояния, которое позволило бы ввести такую конституцию, которую она считает истинной конституцией. Таким образом, она ссылается не на действующую конституцию, а на ту, которую надлежит ввести» [1, с. 158].

Представленное учение о диктатуре, если следовать Дж. Агамбену, вводит два вида различий, проливающих свет на состояние

права в чрезвычайном положении. В отношении комиссарской диктатуры это различие между законами и техническими правилами их применения. Приостановка конституции, конечно, означает некоего рода исключение из записанных в ней норм, но это исключение конкретно, его обстоятельства оговорены в самой конституции. В отношении суверенной диктатуры речь идет о различии между властью конституируемой и властью конституирующей [3, S. 43]. Если первая основывается на уже существующей конституции, то вторая отсылает к тому, что еще только предстоит ввести в качестве нормы. При этом суверенная власть не обязана подчиняться даже тем нормам, которые она сама учреждает.

В своей теории суверенитета Шмитт в каком-то смысле синтезирует эти два вида различий, проводя новое различие: между нормой и решением. Известно, что способы обеспечения порядка в государстве зафиксированы в правовых нормах, на основании которых и принимаются конкретные решения. Но ни одно такое решение нельзя полностью вывести из юридических предпосылок: «То, что правовая идея не способна сама себя провести в жизнь, является уже из того, что она ничего не говорит о том, кто ее должен применять» [2, с. 50]. Право само себя актуализировать не может, поэтому необходимо признать, что первоосновой любого правопорядка является не сама норма, а решение по поводу этой нормы.

Значение такого решения обычно недооценивают – в первую очередь, потому, что в «нормальной» повседневной жизни людям кажется, будто государственный механизм функционирует сам по себе, как бы в режиме саморегуляции. Шмитт считает, что необходимость решения в полной мере проявляется лишь тогда, когда этот механизм дает сбой. В ситуации хаоса, аномии право не способно дать четкий алгоритм действий, вследствие чего именно решение суверена (правителя или правительства), освобождаясь от нормативной привязанности, начинает определять абсолютно все. Здесь Шмитт впервые сосредоточивает внимание на чрезвычайном положении как таковом – и именно здесь находится исходный пункт его теории суверенитета: «Суверенен тот, кто принимает решение о чрезвычайном положении» [2, с. 15].

Итак, мы видим, что как чрезвычайной ситуации, так и стабильно функционирующему гомогенному правовому пространству предшествует решение, которое обеспечивает определенный порядок. Чрезвычайное положение поэтому не является состоянием полного беспорядка; приостанавливая действие нормы, оно обнаруживает предшествующее себе решение в абсолютной чистоте. Сам правопорядок возникает не из хаоса, а из некоего пред-порядка, подготовленного решением. Иными словами, «суверен создает и гарантирует ситуацию как целое в ее totalidad» [2, с. 26]. Вопрос лишь в том, откуда у него такая сила?

Здесь представляется уместным вспомнить о понятии «сила закона», которое, как технический правовой термин, в некоторой степени определяет разделение между применимостью нормы и ее формальной сущностью, разделение, посредством которого приказы, распоряжения и мероприятия исполнительной власти, формально не являющиеся законами, все же обретают силу законов [3, S. 48]. Агамбен, указывая на недостаточное разделение властей как на одну из существенных особенностей чрезвычайного положения, констатирует следующий факт: «Чрезвычайное положение определяет состояние закона, при котором норма, хотя и имеет значимость, но не применяется (поскольку она не имеет “силы”), а с другой стороны, действия, не имеющие статуса законов, получают их “силу”» [1, S. 49]. Иными словами, при чрезвычайном положении норма заменяется чистой силой закона без закона, то есть, в некотором смысле, применяется, не применяясь [3, S. 51].

Суверен, обладая монополией абсолютного решения, встает на границе права и жизни, границе, которая пролегает в пространстве чрезвычайного положения. Он находится внутри права (поскольку любое его действие обладает силой закона) и одновременно вне его (поскольку это сила без самого закона). В этом и состоит парадокс суверенности, который можно сформулировать как субъектно: «Суверен находится одновременно вне и внутри правопорядка» [4, S. 25] – так и бессубъектно: «Нет ничего внешнего закону» [4, S. 39]. На этой последней формулировке имеет смысл остановиться.

Часто говорят о том, что политико-юридический порядок поглощает все – в том числе и совершенно для себя неприемлемое: например, любое нарушение может быть включено в него в форме запрета. С точки зрения Агамбена, здесь все намного сложнее: внешнее включается в правопорядок не через запрет, но через упразднение действительности самого правопорядка, который как бы уступает внешнему – что мы ясно видим в чрезвычайном положении. Внешнее может стать внутренним только тогда, когда этого внутреннего как такового уже нет, то есть, применительно к нашему предмету, неправовое, жизнь, может войти в право, только когда право упразднено, вынесено за скобку. И особая «сила» закона, по Агамбену, как раз и происходит от его способности оставаться в исключительном отношении с внешним. Это предельная форма отношения, которая включает нечто единственно посредством его исключения, «включающего исключения» [4, S. 27–28].

В чрезвычайном или, лучше сказать, в исключительном положении (по аналогии с немецким *Ausnahmezustand*) эта парадоксальная архетипическая структура проявляется наиболее отчетливо – но и в нормальном состоянии она никуда не исчезает. Право

живет той жизнью, которую оно может вобрать в себя посредством включающего исключения, без этого оно остается мертвой буквой. А суверенное решение о чрезвычайном положении – вновь сошлемся на Агамбена – каждый раз проводит и обновляет эту границу неразличимости между внешним и внутренним, исключением и включением, *potestas* и *physis* там, где жизнь изначально исключена в праве [4, С. 37–38].

Библиографические ссылки на источники

1. Agamben G. *Ausnahmezustand*. Frankfurt am Main, 2004.
2. Agamben G. *Homo sacer. Die souveräne Macht und das nackte Leben*. Frankfurt am Main, 2002.
3. Шмитт К. Диктатура. От истоков современной идеи суверенитета до пролетарской классовой борьбы. СПб., 2005.
4. Шмитт К. Политическая теология. М., 2000.

МОДЕРНОСТЬ, МНОЖЕСТВЕННАЯ МОДЕРНОСТЬ: ОСНОВНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ

И. М. Яковенко

*аспирантка кафедры философской антропологии
Департамента философии Института социальных
и политических наук Уральского федерального университета
имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург*

Современность характеризуется культурным плюрализмом, и это утверждение справедливо не только в отношении того, как обстоят дела внутри каждого отдельного государства, но и касается различных вариантов общественных устройств, которые ярко демонстрирует история XX в. Существование в современности государств с различными социо – культурными устройством рождает вопросы о самой современности, о содержании понятия «современность», о векторе ее развития.

Если описывать модерность исторически, то можно сказать, что она начинается в XV–XVI вв. с началом изменения политики и экономики, включает в себя Просвещение XVIII в., индустриальную революцию, революции во Франции и Америке, революции XIX в., Первую и Вторую Мировые Войны, холодную войну. Географически, речь, прежде всего, идет о странах Западной Европы и Америке. Это период, в который происходит разрыв с традиционным обществом. О разрыве, как о наиболее важном историческом явлении данного периода говорят многие авторы. «Современность, которая понимает себя из горизонта нового времени как актуализацию новейшего времени, должна реализовать, осуществить в виде непрерывного обновления разрыв нового времени с прошлым» [4, с. 12].